

ГЕРОЙСКАЯ СМЕРТЬ ДАНИЛОВА

И

Коканскій бунтъ въ 1875 году.

РАЗСКАЗЪ

Д. Иванова.

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, В. Подъячская, № 39.

1890.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Марта 1890 года.

Не зима-ли лютая поле чистое сковала,
Вѣтромъ-сиверкой былинку заметала;
Не волковъ-ли стая дикихъ рычала,
Коня борзатаго средь степи окружала:
То Коканцы на солдата нападали;
Руки сильныя канатами вязали.
Ахъ ты, горе, мое горе, злая доля —
Какъ спозналъ удалый молодецъ неволю.....
Не печалить плѣнъ-неволюшка его,
А кручинить, что велятъ ему отречься отъ всего:
Отъ отца своого, отъ матушки родной,
Отъ Россеешки, отъ родины своей.
Какъ оставить вѣру русскую велятъ,
И за это всяки почести судятъ.....
Да какъ двумъ сердцамъ въ груди одной не быть, —
Такъ и злему врагу измѣны не купить!

1. Коканское ханство.

Въ прежнее время въ Туркестанскомъ краѣ было три большихъ ханства: Коканское, Бухарское и Хивинское. Съ этими-то ханствами и пришлось воевать русскимъ. Ближе другихъ къ намъ были кокандцы, и съ ними прежде всего началась война.

Много лѣтъ воевали русскіе съ коканцами и забирали себѣ одинъ за другимъ коканскіе города. Наконецъ, въ 1865 году генераль Черняевъ взялъ большой и очень важный городъ Ташкентъ. А въ слѣдующемъ году генераль Романовскій взялъ другой большой городъ Ходжентъ. Къ этому времени отъ прежняго Коканскаго ханства осталось уже меньше четверти. Русскіе обошли Коканъ съ трехъ сторонъ. Поняли кокандцы, что съ русскими имъ не сладить и смирились. Ханъ ихъ Худаяръ прислалъ своихъ пословъ миръ заключать. Заключили миръ. Сталъ Коканъ съ Россіей добрыми сосѣдами.

Но въ самомъ Коканскомъ ханствѣ жизнь шла по прежнему. Съ издавна въ немъ было два главныхъ племени: одно — *узбеки*, жившіе больше по городамъ в большихъ селамъ; другое — *кипчаки* (прежніе киргизы), которые до сихъ поръ еще не бросили своей прежней кочевой жизни и потому селились около горъ и степныхъ мѣстъ, гдѣ имъ можно было пасти свои стада.

Съ поконъ вѣка узбеки съ кипчаками были лютыми врагами. Съ поконъ вѣка шла между ними борьба не на животъ, а на смерть. Узбековъ было больше и они были богаче. Но не могъ вольный кипчакъ кланяться узбеку; не хотѣлъ смѣлый покориться богатому.

Подымалась война.

Побивали узбеки кипчаковъ, садили въ Коканъ своего узбекскаго хана. Вокругъ хана и по всему ханству, всѣ начальники, всѣ чи-

повники, всё сборщики и судьи являлись узбеки. Плохо становилось киччаку. Вездѣ его тѣснилъ, жалѣ и давилъ узбекъ; вездѣ его обирали, сажали въ тюрьмы и казнили все тотъ же узбекъ—владыка. Терпѣлъ киччакъ, жался, но поворотиться не хотѣлъ. Наставало его время—и всё киччаки вставали разомъ, какъ одинъ человекъ; по всему ханству поднимался бунтъ, собирались ихъ смѣлыя войска и шли на узбековъ. Бѣжалъ узбекскій ханъ изъ Кокана, на его мѣсто садился ханъ киччацкскій. Наставала пора и узбекамъ расплачиваться такъ же, какъ платились киччаки; гнулись теперь узбекскія спины, собирались узбекскія деньги, лилась узбекская кровь.

Оправлялись послѣ разгрома узбеки, снова одолевали своихъ враговъ—и снова летѣли киччацкскія головы.

Худаяръ-ханъ, хотя и былъ киччакъ родомъ, но держался узбековъ. Два раза уже ему приходилось на своемъ вѣку бѣгать изъ Кокана, и теперь его третій разъ сдѣлали ханомъ. Худаяръ отлично понималъ, что ему необходимо смириться передъ русскими и начѣмъ не задѣвать своего сильнаго сосѣда.

Хотя онъ и не любилъ русскихъ, но старался не показывать этого. Напротивъ, Худаяръ всегда называлъ себя себя другомъ Россіи, увѣрялъ, что онъ самый смиренный и покорный ея сосѣдъ. И въ самомъ дѣлѣ, прошелъ годъ со взятія Ходжента; у русскихъ началась война съ бухарцами и продолжалась два года, пока въ 1868 году генералъ Кауфманъ не покорилъ гор. Самарканда. Коканцы ни разу не нарушили мира.—Прошло еще два года; у русскихъ завязалась война съ горцами, рядомъ съ Коканомъ. Худаяръ и тутъ остался въ сторонѣ. Въ 1873 году, въ большую войну съ Хивой, опять Худаяръ-ханъ держался мира. Такъ прошло почти десять лѣтъ. Словомъ, Худаяръ-ханъ по виду такъ велъ свои дѣла, что Коканъ съ Россіей оставались въ мирѣ и въ ладу.

Но не такъ онъ держалъ себя дома, съ своими коканцами. Онъ былъ золъ и жаденъ. Онъ не могъ забыть, что его два раза прогоняли изъ ханства, и страшно метилъ за это киччакамъ. Поборы за поборами, налоги за налогами, казни за казнями шли въ Коканъ по приказанію хана. Вездѣ были доносяки и наушники, которыхъ держалъ при себѣ ханъ и щедро награждалъ за доносы. Не разъ уже были при немъ бунты. То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ поднимался народъ

больше, съ каждымъ днемъ народъ бросалъ свои дома и шелъ въ войска, съ каждымъ днемъ онъ дѣлался изъ мирнаго жителя все больше разбойникомъ и искалъ случая выместить все зло на собакахъ-русскихъ. Смирный землепашецъ дѣлался бродягой и видѣлъ, что бродягой и разбойникомъ теперь быть гораздо выгоднѣе, чѣмъ пахать землю.

Благо было заварить такую кашу, а расхлебать ее можно было не скоро. Трудно сдвинуть съ мѣста народъ, а потомъ унять его сразу невозможно. Не даромъ же онъ бросалъ свой домъ, свою семью, свои поля. Ему надо было на комъ-нибудь все это выместить, съ кого-нибудь взъискать.

Муллы показывали на русскихъ.

4. О б о з ѣ.

Оставалось еще далеко до конца войны. Русскіе были на правой сторонѣ рѣки, стало быть на лѣвой можно было дѣлать что угодно. Если русскіе отряды и являлись сюда, и разбивали коканцевъ, то стоило только отряду уйти на правую сторону, чтобы въ тѣхъ же мѣстахъ снова собирались шайки, снова грабили и бунтовали, снова набирались охотники до войны и разбоя, которые или раскыпались по одиночкѣ, или сбивались въ огромныя полчища.

Въ это самое время изъ Ташкента тянулся обозъ. Онъ шелъ въ Наманганъ, гдѣ стоялъ нашъ отрядъ. Множество арбъ о двухъ огромнѣйшихъ колесахъ тянулось до дорогѣ. Въ каждой арбѣ было запряжено по одной лошади. На каждой лошади, на сѣделкѣ, сидѣлъ извозчикъ, правилъ, началъ въ тактъ шагу лошади. Никогда немазанная колеса скрипѣли, какъ ворота у околицы. Тяжелыя желѣзныя бляхи на сѣделкахъ звякали словно кандалы. Впереди шли солдаты. Вдоль всего обоза тоже растянулись служивые и приглядывали за возами.

Былъ ноябрь мѣсяцъ. Осенніе дожди совсѣмъ испортили дорогу. Вездѣ были выбоины и ухабы; въ оврагахъ грязь непролазная. Глина распустилась, облѣпила саженыя ободья у колесъ и висѣла комьями. Обозъ растянулся по дорогѣ. То и дѣло становилась лошадь, дру-

гая; застрявала арба въ выбоинѣ; наваливался возъ на косогорѣ. Измученныя лошади тяжело тащились по скверной дорогѣ. Рабочіе солдаты, закинувъ винтовки за спины, переходили отъ воза къ возу помогать въ трудныхъ мѣстахъ.

Крикъ и ругань провожали почти каждую арбу.

Наконецъ, дорога выправилась, выйдя на ровное мѣсто. Лошади пошли ровнѣе. Двое извозчиковъ даже затянули визгливыми головами свои татарскія пѣсни. Солдаты вздохнули полегче, сошли съ дороги и пошли сторонкой. Постукали рабочіе люди въ землю ногами, чтобы стряхнуть грязь съ сапоговъ, поправили шапки и ружья, и табачку захотѣлось.

— Вотъ закурю я теперь сигарку; по ровному-то мѣсту на семь верстъ хватить, полѣзь одинъ въ карманъ за табакомъ.

— Не хвались впередъ-то! Смотри, какъ-бы черезъ полверсты опять въ арбу не пришлось впрягаться.

— Зачѣмъ? Теперь дорога ровная пошла. Вонъ и извозчики сказывали—дорога все хорошая пойдетъ. Только бы вокапчи не напали, а то я всю дорогу теперь бариномъ пойду, прибавилъ солдатъ.

— Коканецъ-то теперь поди гдѣ ужъ: онъ какъ увидалъ, что русскій солдатъ идетъ, ухъ, какъ залился подалше!

— Теперь смирно, онъ боится. Убѣжалъ въ горы со страху-то! Онъ на дорогу и носъ теперь показать боится. Задали ему ловко.

— Задали, задали, а все-жъ онъ не мирится. И посейчасъ шайки ходятъ.

— Шайки ходятъ гдѣ? Развѣ здѣсь? Онѣ по ихъ деревнямъ, по закраинкамъ гоняютъ. А здѣсь ты его съ огнемъ не сыщешь.

— Знаешь ты рожна! Давно ли, вонъ сказывали, шайку видали?

— Такъ гдѣ видали-то, околѣлый? Нешто здѣсь? Возьми глаза-то въ зубы.

— Ахъ, какой разсудительный нашелся! Знаютъ поди съ твое-то! Горласта лохань! здѣсь и есть видали.

— Да что ты лаешься-то, сивый! аль взаправду страшно стало, какъ бы коканецъ тебя не сгрѣбъ? Небось, попадешь къ нему—ничего не сдѣлаешь: только поставить на огородъ замѣсто пугала, воробьевъ пугать.

— Тебя, краснорылый, не поставили бы, съ носомъ-то! переругивались спорщики.

— Стой! стой! закричали сзади.

— Что тамъ еще? оглянулись солдаты.

— Арба сломалась. Ахъ шутъ-те! Вотъ тебѣ и ровная дорога! Выругались солдаты и нѣкоторые пошли назадъ.

Почти въ самомъ хвостѣ обоза стояла арба, накренившись на бокъ. Разшатавшіяся спицы не выдержали пролѣтой дороги и выльзли изъ обода и ступицы.

5. Поганое колесо.

Арбу окружили солдаты.

— Что-жъ теперь дѣлать? Ее бросать надо, сказалъ кто-то.

— А куда вещи-то дѣть? Разложить развѣ на другія?

Пошли гадать и спорить, какъ съ вещами быть.

— А такъ и быть, что все на той же арбѣ везти, порѣшилъ чей-то голосъ. Чего здѣсь зря собрались, галдите!

Говорившій былъ унтеръ-офицеръ.

— Гдѣ же на ней везти, Ома Давилычъ? Разложить бы.

— Ахъ, Господи, словно я не знаю! Теперь раскладывать, весь обозъ остановить, изъ-за нея изъ—за одной! А просто дѣло: поднять ее, поправить колесо, и пойдетъ. Всѣ онѣ на одинъ манеръ. Клинья вбить новые и готово.—Ну-ка, подымай! крикнулъ онъ солдатамъ.

Солдаты подняли. Даниловъ подлѣзь подъ арбу, выправилъ спицы и велѣлъ тихонько опустить.

— Вотъ и вся работа. Теперь клинья новые поставить—хоть до Питера поѣзжай!

Онъ крикнулъ извозчику, чтобъ тотъ далъ топорикъ, досталъ запасную палу и взглянулъ на солдатъ.

— Чего же тутъ стоите! Ступай въ своимъ арбамъ, да и трогай!

— Какъ же трогать-то! А эта какъ? спросили солдаты.

— А вотъ вставлю клинъ и догоню. Не стоять же изъ-за нея всему обозу.

Кто же при арбѣ-то останется?

— Кто останется? переспросилъ Даниловъ, начавшій уже обтесывать колъ и прилаживать къ колесу. Да я останусь. Вы ужъ за своими смотрите.

— Какъ же такъ одному вамъ, Гома Данилычъ, остаться? одному опасно.

— Ахъ, Боже мой, страсть какая! Тебѣ опасно—такъ ты и иди.

— Все же одному.

— И чего только они балясы точутъ! Весь обозъ изъ-за такой малости остановили. Пошелъ, гони лошадей! Пускай заднія объѣзжаютъ. Вы еще объѣхать не успѣете, какъ у меня арба новая будетъ.

Даниловъ положилъ ружье на землю, крикнулъ что-то возчику и принялся тянуть топоромъ.

Арбы тронулись. Последніе солдаты обвели задніе воза, объѣхали сломанную арбу, поглядѣли на Данилова, крикнули ему: скорѣе! и пошли.

— Какъ скоро, такъ сейчасъ!! крикнулъ имъ въ свою очередь Даниловъ.

— Ахъ, сломалось? Чего плотничаешь, Даниловъ? Вишь, въ колесники попалъ! говорилъ всякій свое слово, объѣзжая съ арбами Данилова.

Даниловъ, не отвѣчая почти ни слова, продолжалъ строить свою арбу.

— Поспѣшай—а то останешься! крикнулъ ему голосъ.

— Готово! отвѣтилъ Даниловъ, и послѣдній разъ стукнулъ топорикомъ.

— Ну ты, лысый! крикнулъ онъ извощику, запрягай живѣе!

Молодой парень въ ермолкѣ и рваномъ халатишкѣ бросился къ лошади, завелъ въ оглобли, вспрыгнувъ на сѣделку и поднявъ нагайку. Лошадь легла всей грудью въ огромный кожаный хомутъ, заскрипѣли намазанные оси, и арба пошла по дорогѣ.

Даниловъ постоялъ на мѣстѣ съ топорикомъ въ рукѣ, посмотрѣлъ вслѣдъ своей исправленной арбѣ, потомъ поднялъ ружье и пошелъ скорымъ шагомъ. Впереди, саженяхъ въ пятидесяти, шель обозъ, раскачивались огромные возы, блестѣли штыки шедшихъ солдатъ.

Дорога стала забирать на лѣво, обошла небольшой бугоръ и пошла легкимъ спускомъ.

Возъ за возомъ пропадали за поворотомъ. Вотъ и послѣдняя арба скрылась. Даниловъ остался одинъ съ своей двухколесной скрипучей телѣгой, и ровнымъ шагомъ шель рядомъ съ ней, поглядывая на колесо.

— Правѣй, правѣй бери! правѣй, чертовъ сыны! вдругъ заругался Даниловъ на извощика.

Тотъ оглянулся и ударилъ лошадь.

Что-то не ладно треснуло у арбы, и она впиалась большимъ колесомъ въ огромный камень. Лошадь встала какъ вкопаная.

Колесо опять не годилось. Возъ тихо поползъ на лѣвый бокъ.

— Ахъ, ты дурья образина, нѣмой чортъ! выругался Даниловъ и бросился поддерживать возъ.

Пришлось снова остановиться, выпрячь лошадь, положить ружье и взяться за топорикъ и новые клинья.

Впереди не было видно никого. Кругомъ шли голые холмы. На лѣво виднѣлась брошенная жителями деревня. Все было пусто и голо. Нигдѣ ничего живого.

Изъ за какого-то бугра поднялась одинокая большая черная птица и тихо потянула къ сломанной арбѣ, около которой возились два человѣка.

— Кррр...кррр! закричала птица и повисла надъ людьми въ воздухъ, распутивъ крылья и вытянувъ шею. — Кррр...кррр! крикнула она имъ еще разъ.

— Ну, закаркалъ дьяволъ! поднялъ Даниловъ сердито голову вверхъ.—Я-те покаркаю, черномазый дьяволъ!

— Крррр... длиннѣе прежняго протянулъ въ отвѣтъ огромный воронъ и также ровно полетѣлъ дальше.

— На свою голову... сквозь зубы проворчалъ солдатъ.

— Кррррр... крр! едва слышно издали долетѣла еще разъ до него непонятная птичья рѣчь.

6. Волки.

Это былъ канунъ того дня, когда у Данилова сломалась арба. Была холодная ночь. Моросилъ осенній, длинный дождикъ. Вездѣ тихо, ни одного голоса, никакого крика. Только шумить ровно

дождь, вслескивает по лужамъ, стучать по твердому бугру. Даже вѣтра нѣтъ, словно и онъ спрятался отъ этой сырости, отъ этого ровнаго пробивающаго дождя.

По лужамъ на пустынной дорогѣ зашлепали чьи-то ноги. Въ обмытые камни звянуло желѣзо. Опять стало тихо. Опять что-то захолопало по лужамъ. Яснѣе, яснѣе. Можно разобрать, что это лошади. Но никого не видно. Слышно уже, какъ брякаютъ при каждомъ шагѣ удила, а все-таки не разглядишь, есть-ли на лошади человекъ.

Въ сторонѣ отъ дороги пронесся тихий, высокой свистъ.

Лошадь остановилась. Съ дороги свистнули также.

— Это ты, Курдайка? спросилъ голосъ по-кокандски.

— Мурадъ? спросилъ и другой голосъ въ отвѣтъ.

Лошадь свернула съ дороги.

— Гдѣ наши-то?

— А вотъ тутъ, недалеко, въ деревнѣ. Ай-да!

Двое верховыхъ поѣхали безъ дороги, напрямикомъ, черезъ бугры и холмы. Черезъ нѣсколько времени они свернули еще лѣвѣе и въѣхали въ небольшое ущелье. Еще стало темнѣе. Внизу бѣжала и шумѣла рѣчка, въ которой отъ дождей прибыло сильно воды. Кокандцы ѣхали не останавливаясь по знакомымъ мѣстамъ и всю дорогу болтали о новостяхъ.

— А что баранта есть? спрашивалъ Мурадъ.

— Баранта есть, да не у насъ. Ахмедъ со своей шайкой два дня назадъ большую баранту взялъ. Подъ городомъ заѣзжій дворъ весь чисто обобралъ. Одѣвалъ сколько! рубахъ сколько! халатовъ пропасть! чалмъ-то пропасть! кушаковъ-то пропасть! коровъ-то еще больше! барановъ-то еще больше! Бѣда много! Ахъ, очень много! очень богат! рассказывалъ Курдайка.

Слушавшій только щелкалъ языкомъ.

— А лошадь есть? спросилъ онъ.

— У! лошади сколько! много лошади! отличная лошадь! молодецъ лошадь! Ахъ, хороша! больно хороша. Ахмедъ богатъ сталъ, большой, огромный богачъ, большой купецъ.

— А дѣвка была? продолжалъ спрашивать Мурадъ.

— Дѣвка-то? дѣвка отличная была! много дѣвки было. Вѣ-

лая дѣвка, румяная дѣвка, глаза-то черные, большіе! Молодая дѣвка, жирная-разжирная дѣвка! Ахмета джигиты всѣхъ дѣвокъ къ себѣ разобрали. Драка изъ-за дѣвки. Больно двѣ дѣвки хороши были — десять лѣтъ только, молодыя дѣвки. Изъ-за нихъ и драка была. Гамидѣ ухо, Джурабайкѣ руку портили, Алайкѣ голову пробили — все изъ-за дѣвки дрались. Ахъ, баранта хороша! Ахъ, Ахметка богатъ сталъ!

— Вотъ, чтобъ его отцу гробъ перевернуло, поганая собака этотъ Ахметка! вступился другой. — Погоди, на него нашего надо напустить. Мы ужъ который день зря живемъ. Скоро жрать нечего будетъ.

— Ничего нѣтъ? спросилъ пріѣхавшій.

— Совсѣмъ ничего. Пять коровъ поймали, тридцать барановъ поймали, десять козъ поймали — только и есть. Два аула разбили, троемъ пастухамъ башки рѣзали, двѣ бабы нашли — только и есть. Пять лошадей отбили, двѣ арбы съ хлѣбомъ достали, — только и есть. Рылись, рылись, стегали, стегали извожниковъ — три халата рваныхъ, больше ничего нѣтъ. Отдули да и прогнали. Только и всего.

— Ханъ присмирѣлъ больно, да и Автобачи тоже боятся русскихъ. Сидятъ зря. Шли бы войной — вотъ тогда и намъ потѣха была бы. И мы богаты бы стали, богаче Ахметки. Опять баранта бы пошла. А теперь не разгуляешься.

— Погоди — будетъ на чемъ зубы поточить. Я штуку знаю.

— Какую?

— Кто ѣдетъ? окрикнулъ ихъ въ это время голосъ.

— Джигитъ раба Магомета! отвѣтилъ Курдайка.

— Да благословить тебя Аллахъ, если съ добрыми вѣстями.

— Баранта есть? спросилъ другой караульный.

— Баранты нѣтъ.

— О, чтобъ тебя всѣ черти въ адъ за бороду утапули, поганая харя! Дармоѣды, только зря шлетесь, а жрать такъ къ намъ! заругались и заворчали на нихъ караульные.

Они въѣхали въ деревню.

— Табакъ есть, что-ли? крикнули уже вслѣдъ имъ сторожа.

— Есть.

— Дай, пожалуйста, два дня ужь безъ табаку сидимъ.

Прибѣжавшіе остановились. Сторожа подошли къ нимъ.

— Ахъ, табачокъ хорошъ! больно хорошъ! едва выговорили они, наблвши ротъ нюхательнымъ табакомъ и сплевывая слюну.

7. Волчій островъ.

Въ пустой, разоренной и кинутой жителями деревнѣ было совершенно темно и тихо. Глиняные низенькіе домики, точно стѣны послѣ пожара, лѣпились одинъ возлѣ другого. Голыя деревья садовъ, какъ обгорѣлыя, протянули свои вѣтки надъ мазанками. Бѣдно, жалостно, пусто. На улицѣ лужи, ручьи, камни и выбоины заставляли лошадей то и дѣло спотыкаться и останавливаться.

Наконецъ, впереди блеснулъ огонекъ и послышались голоса. Курдайва и Муралга поѣхали шибче и остановились передъ воротами. Вскорѣ имъ отперли и они вѣхали на большой дворъ, весь заставленный лошадьми. Въ сакляхъ вокругъ двора свѣтились на полу огни, сидѣли люди и о чемъ-то болтали. Въ углу подъ навѣсомъ, около большого огня, тоже собрался народъ. Только-что послышался скрипъ воротъ, какъ изъ всѣхъ сакель высунулись головы, окрикнули Курдайку и стали прислушиваться. Разговоры смолкли.

Джигиты привязали лошадей къ первому колу среди двора и подѣли на короточкахъ подъ навѣсомъ къ огню, на которомъ стояло два котла.

— Здорово! сказали имъ повара. Холодно?

— Бѣда — холодно! А-яій дорога дрянъ! дождикъ-то дрянъ, время-то дрянъ! отвѣтилъ Курдайва, грѣя мокрыя руки передъ огнемъ. — Что варишь? спросилъ онъ съ голоду.

— Пилавъ варю, отвѣтилъ нехотя поваръ. — А баранта есть? покосился онъ на мокраго Курдайва.

— Нѣтъ, баранты нѣтъ, щельнулъ языкомъ Курдайва.

Повара отвернулись отъ него и перестали съ нимъ говорить.

Изъ сакель тотчасъ же прибѣжало нѣсколько другихъ джигитовъ, посидѣли съ минуту рядомъ съ Курдайкой, справились на счетъ баранты и разошлись съ ругательствами снова по своимъ саклямъ.

Тамъ ихъ ждали.

— Что есть? встрѣтили вернувшихся.

— Ничего нѣтъ, отвѣтили тѣ. Развѣ эти черти умѣютъ что-нибудь сдѣлать? Бздилъ сколько дней, а прибѣхалъ съ пустыми руками! Всѣ стали страшно ругаться, что нѣтъ добычи.

— Вотъ, сколько времени такъ-то попусту живемъ. У меня ужь ножъ заржавѣлъ; пожалуй, случится и носа сразу не отрѣжетъ, засмѣялся одинъ.

— Ножъ не отрѣжетъ, такъ шашка отсѣчетъ, отвѣтилъ другой. А вотъ плохо — время дрянное... Эхъ, мѣсяца три тому назадъ, вотъ было житье хорошее! Бывало, поѣзжай въ любую деревню, хоть въ коканскую, хоть въ русскую — раздолье! Народъ богатый былъ, всѣ боялись, бери что хочешь, командуй какъ угодно. А чуть-что не такъ — сейчасъ разъ, и вончено.

— Тогда насъ мало было, оттого и жизнь была хороша. А теперь, куда ни сунься, вездѣ свои шайки прежде тебя пронохаютъ, да заберутъ. А прежде бывало...

Всѣ хвалили прежнее житье, вспоминали, какъ ловко приходилось грабить. Каждый рассказывалъ, какъ ему доводилось, всего вдвоемъ, а то и одному, нападать на цѣлую деревню, и всѣ бѣжали, прятались со страху куда попало; какъ собирались старшины деревни, кланялись въ ноги, просили милости, давали выкупъ; какъ подъ ножами допрашивали богача, гдѣ у него деньги; какъ для шутки отрубили уши, снесли голову для пробы шашки.

Много было рассказано подобныхъ происшествій, много было и наврано при этомъ; всякій хвасталъ, выставялъ себя богатыремъ и, вспоминая это славное прошлое, ругалъ и клялъ теперешнее житье.

— Бывало, ѣшь сколько хочешь, пей сколько хочешь. Какой пици захотѣлъ, то и ѣшь: пилаву захотѣлъ, баранины захотѣлъ, вуръ захотѣлъ, пироговъ захотѣлъ, пряниковъ захотѣлъ — чего захотѣлъ, все есть! А теперь — вонъ только что послѣ атамана останется, то и ладно. Поганое житье, собачье..

— Ну, погоди! только бы намъ узнать, гдѣ есть пожива, мы бы устроили штуку, точили голодные воли зубы.

И, несмотря на разговоры, на рассказы про былое хорошее житье, все-таки всѣмъ было скучно, всѣмъ хотѣлось ѣсть.

— Курдай! крикнули громко на дворѣ. Пошелъ скорѣе сюда!

Курдайка заткнулъ нагайку за кушакъ рядомъ съ кривой шашкой, и пошелъ на крикъ. Передъ нимъ отворили низенькую дверку. Онъ нагнулся и вошелъ въ комнату.

— Да будетъ надъ тобой благословеніе великаго пророка, сказалъ онъ, подхватилъ животъ руками и сѣлъ возлѣ двери на колѣнни.

Комната, въ которую онъ вошелъ, была, какъ и всѣ сакли, очень небольшая, съ тремя дверями и безъ оконъ. На полу были постланы войлоки и одѣяла. Въ срединѣ комнаты, въ маленькой ямочкѣ, тлѣли горячіе угли. На одѣялахъ вокругъ огня сидѣли коканцы въ халатахъ и ермолкахъ. По стѣнамъ стояли и висѣли ружья, сабли, сумки и пистолеты. На самомъ удобномъ и мягкомъ мѣстѣ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, маленький, толстый коканецъ, съ безобразнымъ и звѣрскимъ лицомъ. Онъ весь заплылъ жиромъ, весь лоснился отъ сала и пота. Узкіе глазки едва замѣтно сверкали изъ-подъ заплывшихъ вѣкъ. Онъ держалъ себя со всѣми не въ мѣру важно, по-барски, тогда какъ остальные всѣ передъ нимъ лебезили и кланялись.

То былъ атаманъ всей этой сволочи, сидѣвшей по саклямъ. Въ началѣ бунта его шайка была значительно больше. Но, съ неудачей противъ русскихъ, она обратилась до 40 человекъ и переменилась мелкими грабежами и разбоями.

Въ саклѣ атамана было повеселѣе, чѣмъ въ другихъ.

Передъ толстякомъ стоялъ на угляхъ небольшой кувшинчикъ, изъ котораго одинъ изъ сидѣвшихъ тутъ же коканцевъ наливалъ въ круглую чашечку чай и подавалъ атаману. Другіе дожидались, когда атаманъ кончитъ, и изъ той же чашки позволятъ имъ допить остатки. На полу стояло два круглыхъ мѣдныхъ свѣтло-вычищенныхъ подноса съ сахаромъ, изюмомъ, лепешками и орѣхами.

Всѣ молча сидѣли около огня и слѣдили собачьимъ, завистливымъ взглядомъ за ртомъ атамана, какъ пронададутъ въ немъ лепешки, сласти и чай. Какой-то оборванецъ сидѣлъ по лѣвую сторону отъ огня съ бубномъ въ рукахъ, на которомъ онъ только-что выбивалъ разные штуки подъ длинную и несуразную пѣсню.

— Что есть новаго да хорошаго? спросилъ важно атаманъ Курдайку, не переставая пить чай.

— Хорошаго, таксырь*), ничего нѣтъ. Я былъ у русскихъ, а у нихъ ничего хорошаго не достанешь — развѣ только поколотятъ, собаки. Три дня вотъ голодный ѣзжу, совѣмъ ничего не ѣлъ! корчилъ Курдайка несчастнаго и косился на атаманскій ротъ.

— Ну что же ты узналъ? спросилъ снова атаманъ и принялся еще больше ѣсть.

— Отрядъ новый въ Наманганъ идетъ съ арбами.

Курдайка сталъ рассказывать то, какъ онъ узналъ, навралъ съ три короба, какъ ему чуть голову не отрубили, и онъ едва убѣждалъ. Опять упомянулъ о томъ, что онъ очень голоденъ, и спросилъ атамана, что онъ прикажетъ дѣлать.

Атаманъ задумался.

Курдайка сталъ говорить, что нужно бы послать караулъ на дорогу и посмотриѣть за русскими; что онъ знаетъ всѣ мѣста, и если его пошлетъ атаманъ, онъ проведетъ и покажетъ все отлично.

— Ладно, сказалъ атаманъ. Когда же ты поѣдешь?

— Надо скоро ѣхать, а то далеко, отвѣтилъ Курдайка.— Я бы сейчасъ поѣхалъ, да надо ѣсть чего-нибудь достать, я очень голоденъ...

Атаманъ какъ будто не слышалъ, что говорилъ Курдайка на счетъ ѣды и продолжалъ:

— Только смотри: если увидишь, что дѣло ловкое, что можно зубы поточить,—сейчасъ же пришли ко мнѣ. Я самъ со всѣми приѣду. А то вы навретѣ опять, какъ мѣсяцъ тому назадъ.

— Какъ ты сказалъ, таксырь, такъ и будетъ. Ты наша голова—мы руки, ничего не знаемъ и не смѣемъ дѣлать.

— Вотъ погоди, принесутъ пилавъ—будешь ѣсть съ нами, поправились атаману лестъ Курдайки, и онъ даже приказалъ налить ему чашку чаю.

Курдайка былъ чрезвычайно доволенъ и началъ снова рассказывать про свою поѣздку и главное про то, что онъ слышалъ про шайку Ахмета. Атаману онъ навралъ еще больше, чѣмъ Мурадкѣ.

Набонецъ Курдайка смолкъ.

Атаманъ развалился на шелковой подушкѣ и велѣлъ забавлять себя пѣснями.

*) Таксырь значитъ: сударь, начальникъ, господинъ.

Кривой коканецъ поднялъ бубень, погрѣлъ его надъ углями, чтобы лучше натянулась кожа, ударилъ пальцами и завелъ подъ бубень вплоть до самаго ужина козлинымъ, дѣвямъ голосомъ дикую пѣсню.

8. Живые камни.

Настало утро. Дождь пересталъ. Дуетъ крѣпкій вѣтеръ и гонить по небу сильныя, сѣрыя тучи.

Недалеко отъ наманганской дороги, тамъ, гдѣ, проходя въ легкихъ холмахъ, она дѣлаетъ довольно крутой изгибъ, на одномъ изъ холмовъ виднѣются съ дороги какія-то сѣрыя кочки или камни.

Никому изъ идущихъ или идущихъ по дорогѣ не приходило въ голову попристальнѣе взглянуться въ эти камни, или подойти къ нимъ поближе. Тогда вѣроятно каждый разглядѣлъ бы, что у камней есть глаза и уши, и что камни эти все видятъ и слышатъ, что дѣлается на дорогѣ.

Камни издали еще слышали, какъ скрипѣли арбы и звякали бляхи на сѣделкахъ, какъ свистали на лошадей извозчики; какъ кричали русскіе голоса, помогая застрявшей арбѣ. Камни видѣли, какъ мимо проходила арба за арбой, солдатъ за солдатомъ; сосчитали сколько арбъ; смеялись, сколько солдатъ. Камни разслушали, какъ чему-то смѣялись солдаты, какъ кто-то выругался; видѣли, какъ закурилъ какой-то трубку, другой поправилъ ружье, третій подтанулъ спустившееся.

Ничего не пропустили камни.

Они не пропустили и того, какъ нагренилась одна арба и встала; какъ другія стали объѣзжать ее, какъ ее подняли, и солдатъ что-то мастерить топоромъ. Не пропустили и того, какъ вслѣдъ за другими пошла арба сзади и около нея одинъ солдатъ, какъ тонулась она колесомъ объ камень и вскорѣ возчикъ и солдатъ опять стали облоу нея мастерить топоромъ. Все видѣли и слышали камни.

Мало того: камни вдругъ задвигались и точно поползли съ бугра, поползли тихо, незамѣтно.

Въ это время черезъ нихъ пролетѣлъ воронъ и закаркалъ. Камни припали къ землѣ, остановились и впелись глазами въ работавшаго

на дорогѣ солдата. Солдатъ поднялъ голову, выругалъ ворона и снова занялся работой.

Камни поползли снова.

Они быстро спускались по той сторонѣ холма, уходя все дальше отъ дороги. Наконецъ, ихъ вовсе стало невидно за холмомъ. Вдругъ они встали на ноги и замахали руками. Камни огазались людскими головами въ засаленныхъ ермолкахъ. Ихъ было двое. Звались они: Мурадкой и Курдайкой.

Изъ-за дальняго холма къ нимъ выѣхало двѣнадцать человѣкъ верхами, съ саблями и ружьями. Двѣ лошади шли безъ сѣдоковъ.

Мурадка съ Курдайкой что-то шопотомъ сказали другиму, вскочили на лошадей и поѣхала шагомъ впередъ къ дорогѣ. Остальные двинулись сзади.

Вскорѣ первые двое нагнулись и припали къ сѣдламъ. За ними сдѣлали то же и всѣ, не переставая ѣхать впередъ.

Вотъ и дорога уже видна, видно и арбу и припавшихъ за ней людей. Солдатъ съ топоромъ въ рукѣ. Ружье лежитъ рядомъ.

Мурадка съ Курдайкой свернули за ближайшій бугоръ и опять скрылись. Прошло пять минутъ—и они неслись къ арбѣ полнымъ махомъ съ саблями въ рукахъ.

Шарахнулась извозничья лошадь, вскрикнувъ ея хозяинъ и, повалившись со страха подъ арбу, прижалъ брюхомъ единственную ихъ зашиту—солдатское ружье.

Поднялъ солдатъ голову, потянулъ къ себѣ винтовку изъ-подъ проклятаго извозчика, но уже кругомъ были коканцы. Что-то тяжелое крѣпко ударило его въ затылокъ, какая-то шерстяная веревка ловко захлестнула ему руки.

Даниловъ былъ въ плѣну.

Черезъ десять минутъ шесть человѣкъ возились съ арбой и ея добромъ, торопясь убраться съ дороги.

Черезъ десять минутъ, другіе девять неслись во всю мочь въ правую сторону отъ дороги, напрямикомъ направляясь къ какой-то полуразрушенной деревушкѣ.

Восемь изъ нихъ были въ халатахъ и съ ружьями. Девятый въ солдатской шинели, безъ ружья и со связанными руками.

9. П л ѣ н н ы й.

Темная осенняя ночь стояла надъ землею. Густыя тучи полосами тянулись по небу и свѣтлыя звѣздочки только изрѣдка выглядывали на темную и холодную землю. Мельзвѣтъ небесная искорка, порадуетъ на минутку своимъ теплымъ яснымъ блескомъ, и снова спрячется за тучу, снова темно, пасмурно, нерадостно станетъ. Затихнетъ чуточку вѣтеръ и опять рванетъ, опять начнетъ качать дерево, шумѣть кругомъ, рвать одежду и посвяствовать между вѣтвями.

Среди гладкаго мѣста стояло одинокое дерево. Подъ этимъ деревомъ расположилась на почлегъ маленькая шайка верховныхъ людей. Всѣхъ ихъ было девять, — тѣ именно девять, которые утромъ понеслись безъ оглядки отъ брошенной на дорогѣ арбы, увозя съ собою дорогую добычу — русскаго солдата. Они долго скакали, наконецъ поѣхали рысью, и ѣхали такъ весь день, останавливаясь только затѣмъ, чтобы напоить лошадей.

Ѣхали они къ городу Маргелану. Велъ ихъ туда не кто другой какъ Курдайка.

До сегодняшняго дня Курдайка былъ простымъ ловкимъ джигитомъ, который послушно и ласково смотрѣлъ въ очи своему атаману и исполнялъ только его приказанія. Онъ ѣздилъ съ разными порученіями, служилъ лазутчикомъ для своей шайки, оставаясь попрежнему только Курдайкой, не больше. Но когда атаманъ послалъ его наблюдать за русскимъ обозомъ, и когда ему удалось захватить въ плѣнъ русскаго, — онъ сразу понялъ, что вернуться теперь въ атаману, чтобы сдать ему плѣннаго на руки, невыгодно. Пользуясь горячей минутой, онъ крикнулъ шестерымъ, чтобы они убрали арбу, а съ остальными бросился направо. Всѣ торопились, боясь какъ бы не догнали русскіе, и гнали безъ оглядки за Курдайкой. Только отбѣхавши верстъ десять они спросили: куда-же ѣхать? Курдайка отвѣтилъ, что имъ надо подальше уйти отъ дороги, чтобы ихъ не нашли русскіе, а черезъ 20 верстъ объявилъ, что вернуться теперь къ атаману поздно. Лучше ѣхать прямо въ Маргеланъ и сдать туда плѣннаго.

— Мы его поймали, мы его привеземъ, прибавилъ онъ. — Ханъ будетъ благодарить насъ, будетъ награду давать, будетъ подарки давать. Будемъ самого хана смотрѣть, будемъ съ самимъ ханомъ

разговаривать! Ханъ скажетъ: молодцы! богатыри! много-много дарить станеть!

Всѣ были согласны, что въ самомъ дѣлѣ вернуться теперь трудно, и что очень пріятно повидаться съ самимъ ханомъ.

Такъ ѣхала шайка до поздняго вечера, болтая о томъ, что съ ними будетъ, когда они пріѣдутъ въ Маргеланъ.

— А какъ-же нашъ атаманъ? вдругъ вспомнилъ это-то.

— Что атаманъ? отвѣтилъ Курдайка. — Не атаманъ его поймаешь. Тутъ его поймаешь, тотъ и атаманъ. Вотъ еслибы онъ самъ поймаешь солдата, тогда другое дѣло. А то онъ атаманъ называется, а какъ ловить довелось — меня послалъ; я и караулил, я и ползъ, я и людей позвалъ, я и солдата схватилъ, я его и увезъ. А атаманъ въ избѣ сидѣлъ, да пилавъ ѣлъ, да спалъ на мягкихъ одѣялахъ. А вотъ мы теперь цѣлый день не ѣли, цѣлый день не спали. Ему хорошо было!

И чѣмъ дальше уѣзжалъ Курдайка отъ своего атамана, чѣмъ ближе былъ къ нему Маргеланъ, тѣмъ смѣлѣй и смѣлѣй онъ становился, тѣмъ больше распоряжался и чаще говорилъ: я его поймаешь, я его и хану представлю. Хитрый джигитъ понималъ, что въ Маргеланѣ его ждетъ хорошая награда. Тамъ онъ столько навретъ о томъ, какъ они напали на русскіхъ, какъ много было солдатъ, какъ храбро они дрались съ русскими и тѣ побѣжали, — что послѣ этого онъ уже перестанетъ зваться Курдайкой и шляться въ рваномъ халатикѣ, а будетъ важно ходить въ шелковомъ платьѣ и величать его стануть: Курдибай-бекъ, т. е. «богатый Курдай-начальникъ».

Сладко и много думалъ отъ этомъ Курдайка, когда они легли подъ деревомъ, и сладко и крѣпко заснулъ онъ.

Рядомъ съ нимъ въ повалку спали остальные.

Двое не спали и караулили. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ на корточкахъ, другой ходилъ около лошадей. Ни тотъ, ни другой не говорили ни слова. Слышно было только, какъ хруститъ свѣжая трава на зубахъ у десятка лошадей, да забрячить уздечка на встряхнувшейся лошади.

Даниловъ сидѣлъ, прислонившись къ толстой корѣ дерева, къ которому онъ былъ туго притянутъ волосянымъ канатомъ. Онъ былъ

они его провозжали: молоденькимъ да жалкенькимъ,—а теперь смотри, какой капраль сталъ усатый, да ловкій. Страшно къ нему и подойти-то. А страшный капраль въ ноги кланяется: здравствуйте, родители, благословите сына вашего.

— Вставай скорѣе, ѣхать пора! вдругъ услышалъ Даниловъ коканскій голосъ, и очнулся. Дремота съ сладкими снами пропала разомъ.

Кругомъ было такъ-же темно, какъ и прежде. Вѣтеръ показался ему еще сырѣе и холоднѣе. Дрожь пробѣжала по тѣлу.

Коканцы поднялись.

— А что звѣрь-то нашъ здѣсь? спросилъ какой-то коканецъ, поправляя кушакъ.

— Здѣсь. Присмирѣлъ совсѣмъ, какъ къ дереву собаку прикрутили. Все время хотъ бы шевельнулся разъ, отвѣтилъ другой.

— Да онъ ужъ не издохъ-ли, анаема?

— Живучъ, что ему дѣлается! Его хотя на колъ посади, такъ онъ два года провертется, не здохнетъ, отвѣтилъ Мурадка, и сѣвши на корточки около Данилова, близко взглянулъ ему въ лицо.

— Гамъ, гамъ! вдругъ тивнуулъ по-собачьи Курдайба сзади Мурадки и шутя вѣпился ему руками въ плечо.

Мурадка вздрогнулъ и отскочилъ въ испугѣ отъ Данилова. Всѣ покатались со смѣху. Мурадка понялъ, что надъ нимъ пошутили, и чтобы поправиться, выместилъ на Даниловѣ.

— Что ты, проклятая собака, лаешь! Цыцъ! что ты зубы-то выставилъ! крикнулъ онъ, и его грязная лапа два раза хлестнула по лицу связаннаго солдата.

Товарищамъ это понравилось, и они засмѣялись.

Даниловъ молчалъ.

— Ну-ну, вы! чего играть тамъ вздумали? живо садись! крикнулъ на нихъ командирскій голосъ Курдайки, и коканцы засуетились.

— Сакай генерала-то нашего! Ты, генераль, собачья башка, садись у меня живо! стали распутывать коканцы ноги Данилову.

Его посадили со связанными руками на сѣдло, связали ноги веревкой подъ брюхомъ лошади, а Курдайка съ Мурадкой стали на своихъ лошадахъ по обѣимъ его сторонамъ. Имъ къ сѣдламъ при-

вязали по длинному поводу отъ лошади, на которой сидѣлъ Даниловъ.

— Ну, генераль, поѣзжай впередъ, командуй! сказалъ Курдайка и ударилъ со всего плеча нагайкой по спиѣ Оомы.

— Разъ, два! по-русски крикнулъ Мурадка, и первый разъ ударилъ по средней лошади, а второй по плечамъ Данилова.

Какъ баленымъ желѣзомъ впилась ему толстая плеть въ захолодѣвшее тѣло, прикрытое одной рубахой.

— Госп... невольню выговорили губы, но онъ такъ стиснулъ челюсти, что задавилъ въ себѣ всякій голосъ.

Въ эту минуту между двумя черными тучами блеснула на мгновение звѣздочка. Даниловъ про себя прочиталъ какую-то молитву.

Шайка тронулась опять безъ дороги, прямымъ путемъ, и вскорѣ крылась въ темнотѣ ночи.

10. На площади.

Въ семидесяти верстахъ къ востоку отъ города Кокана стоитъ другой коканскій городъ, Маргеланъ. Цѣлыя рощи изъ садовъ окружаютъ городъ. Маленькіе домики изъ глины, съ такими же плоскими крышами, какъ наши потолки, лѣнятся одинъ около другого, безъ всякаго толка и порядка. Кривыя и узенькія улицы, или переулки, по которымъ можно только ходить, вьются и путаются между домами и глиняными высокими стѣнками. Ни одного окна не выходитъ на эти улицы, точно вдоль ихъ стоятъ одни только сараи, да хлѣвы.

Народу въ городѣ мало. Война разогнала больше половины жителей, да и тѣ припрятали все дорогое подальше или зарыли въ землю, или увезли въ сосѣднія горы. Вездѣ встрѣчались коканцы съ ружьями, съ саблями и пистолетами.

Со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ сѣзжались сюда охотники до войны, до грабежа и разбоя. Сюда ѣхали шайки ѣхали, лазутчики съ вѣстями. Отсюда разсыпались, какъ волчья стаи, тѣ же шайки за добычей. везли посылыные приказанія въ разные концы. Въ городѣ въ это время жилъ самый страшный изъ коканскихъ начальниковъ, самый звѣрскій изъ ихъ воеводъ, по имени Пулатъ-ханъ. По его

приказу собрались сюда войска и шайки; онъ согналъ сюда купцовъ, онъ же держалъ въ городѣ и другихъ жителей.

День 23-го ноября 1875 года начался такъ-же спокойно въ Маргеландѣ, какъ и обыкновенно. Вѣстей новыхъ никакихъ не было. Войска собирались туго, и потому все оставалось по прежнему. Торговцы открыли свои лавки, въ которыхъ не было и десятой доли тѣхъ товаровъ, что продавались въ мирное время. Лоточники вынесли лепешки. Въ чайныхъ лавкахъ задымили двухведерные самовары.

Вездѣ таскались пѣшкомъ коканскіе солдаты, развѣзжали и толкались въ лавкахъ, на улицахъ и на площадяхъ верховые, вооруженные чѣмъ попало.

Вдругъ по одной изъ большихъ улицъ, которая шла черезъ базаръ къ крѣпости, проскакалъ джигитъ. Лошадь подъ нимъ была измучена, самъ онъ тоже весь былъ въ грязи. На базарѣ кто-то узналъ его о крикнулъ:

— Курдайка! куда скачешь? Новое есть?

Курдайка оглянулся, сболтнулъ какое-то одно слово и, ударивъ лошадь нагайкой, пропалъ изъ виду.

Въ одинъ мигъ слово, сказанное Курдайкой, облетѣло весь городъ. Въ одинъ мигъ поднялся весь народъ и бросился бѣгомъ и вскачь на лошадяхъ къ площади передъ крѣпостью, куда проскакалъ Курдайка.

— Русскаго, русскаго везутъ! Штънаго русскаго везутъ! Русскаго въ плѣнъ взяли! только и слышно было вездѣ.

Народъ все больше и больше толпился на площади, спрашивая одинъ у другого о важной новости. Но никто ничего не зналъ толкомъ, такъ какъ Курдайку, прямо съ сѣдла, провели къ Пулатъ-хану во дворецъ.

Наконецъ народъ дождался кого-то и заколыхался.

— Идетъ, идетъ! Курдайка идетъ! заговорила толпа.

Въ самомъ дѣлѣ, вышелъ Курдайка и съ нимъ нѣсколько новыхъ джигитовъ. Всѣ они вскочили на коней и понеслись назадъ по улицамъ.

Толпа проводила ихъ глазами и замерла, поджидая, что будетъ.

По всей площади шелъ глухой гудъ отъ тихаго говора.

Вдругъ толпа ожила.

— А-а! вотъ они! ведутъ, ведутъ! А-а! загрузѣлъ народъ.

Изъ улицы тихонько выѣзжали джигиты. За ними ѣхалъ важно Курдайка и посматривалъ часто назадъ. Въ рукахъ у него была русская солдатская берданка. Шагахъ въ десяти за нимъ ѣхали трое: по бокамъ два коканца съ саблями наголо, въ серединѣ — блѣдный, измученный Даниловъ, съ посинѣвшими губами, съ красными отъ усталости глазами, опутанный веревками по рукамъ и ногамъ. Передъ городомъ его одѣли въ линель для большаго торжества.

— Вонъ онъ, вонъ! Вотъ онъ! обрадовалась толпа, показывая пальцами на Данилова.

— А, собака поганая, попался!

— Поймали русскаго чорта! Смирный сталъ: теперь ура не кричить!

— А, чтобъ твою нечистую душу черти разорвали, попался къ намъ въ руки! Покажутъ тебѣ, какъ противъ насъ воевать! Наплашешься, поганый гауръ!

— Завизжишь, проклятый песь! невѣрная нечисть! Погоди! злилась, радовалась, пролинала и торжествовала вся площадь, вѣдливши глазами въ русское лицо русскаго солдата.

Даниловъ только разъ взглянулъ на эту толпу, когда въѣзжали на площадь. Потомъ онъ ѣхалъ, не смотря никуда, спокойно и безмолвно двигаясь между этими тысячами враговъ, которые, кажется, хотѣли бы разорвать его своими руками. Онъ слышалъ, какъ его кляли, какъ ему со всѣхъ сторонъ посылали самыя ужасныя ругательства. Но онъ ни разу не повернулъ головы, ни разу не взглянулъ въ сторону.

— Видишь: молчитъ собака! Видишь—ѣдетъ, какъ начальнигъ какой! Постой: заговоришь! какъ змѣи шипѣли вокругъ него злые голоса.

Наконецъ они доѣхали. Данилову развязали ноги и сняли съ лошади. Кругомъ его кольцомъ встали солдаты Пулатъ-Хана.

— Смирно! не шумѣть! крикнулъ какой-то голосъ и надъ толпой поднялась палка.

Народъ стихъ.

КОКАНСКІЙ ВУЕЪТЪ.

Изъ дворца хана шла на площадь кучка кокандцевъ. Всѣ попя- тились назадъ, чтобы дать имъ дорогу.

11. Шеребѣжчикъ.

Впередъ всѣхъ шелъ высокій сѣдой старикъ лѣтъ шестидесяти. На немъ былъ бархатный пунцовый халатъ,шитый золотомъ на воротникѣ, рукавахъ и плечахъ. Вся спина была также усыпана нашитыми золотыми блестками. Изъ-подъ халата виднѣлся другой — желтый, бухарской шелковой матеріи съ синими разводами. Нижній халатъ былъ подпоясанъ широкимъ шелковымъ поясомъ съ огромными серебряными пряжками. Поверхъ пояса былъ закрученъ кушакъ изъ красной кашемировой пали, за который заткнута шабга въ зеленыхъ ножнахъ и съ костяной бѣлой рукояткой съ золотыми бляхами. На головѣ старика была надѣта большая бѣлая чалма изъ кивиса.

Это былъ Абдуль-Мумынъ, главнокомандующій войсками Пулатъ-Хана. Мѣсяць тому назадъ Абдуль-Мумынъ жилъ мирно у насъ подъ Ташкентомъ, и считался богатымъ русскимъ киргизомъ. Подметныя письма, которыя разсылалъ Пулатъ-Ханъ и по коканскимъ жителямъ, и по нашимъ городамъ и деревнямъ, соблазнили стараго Мумына.

Онъ вспомнилъ, какъ десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда еще Ташкентъ не былъ взятъ русскими, воевали коканцы; какъ шайки ходили изъ края въ край, грабили и рѣзали непокорныхъ и мирныхъ жителей; какъ можно было нажиться въ одинъ мѣсяць, попировать и позлодѣйствовать вволю; какъ можно было хозяйничать надъ чужимъ добромъ, командовать словно хану, распорядиться чужими женами и дѣтьми и потѣшаться казнями и муками. Вспомнились ему тѣ страшныя смутныя времена, когда войска Алимъ-Кула были прозой во всемъ ханствѣ, когда кровь лилась ручьями, когда на русскихъ подымались цѣлыя тучи. Вспомнилъ старикъ и не выдержалъ. Загорѣлась въ злой душѣ месть къ собакамъ-русскимъ, захотѣлось повластвовать, свою старую душу кровью потѣшить. И Абдуль-Мумынъ бѣжалъ отъ русскихъ въ Коканъ. Пулатъ-Ханъ тотъ-

часъ же, какъ только пріѣхалъ Мумынъ, назначилъ его на важное мѣсто, чтобы сманить въ себѣ и другихъ ташкентцевъ.

Абдуль-Мумынъ ожилъ, когда попалъ къ Пулатъ-Хану. Изъ смирнаго киргиза онъ сталъ сразу вельможей. Онъ рядился въ дорогое платье, ѣздилъ съ конвоемъ и знаменемъ. Каждое его слово было закономъ. За то и имъ были довольны. Мумынъ былъ самый злѣйшій врагъ русскихъ. Мумынъ былъ самый заклятый магометанинъ. Мумынъ былъ свирѣпый грабитель и разрушитель. Вездѣ сновали его шайки и джигиты, шарили добычи и звѣрствовали, какъ хотѣли, развозя всюду Муминовы и Пулатовы грамоты. Мумынъ награждалъ своихъ головорѣзовъ деньгами, вещами, лошадьми, дарилъ оружіемъ за всякую злую продѣлку противъ русскихъ или противъ нашихъ подданныхъ.

— Вотъ почему каждаго плѣннаго, каждую отрубленную русскую голову везли за сотни верстъ къ Мумыну на показъ, для счета и награды. Немногимъ изъ плѣнныхъ русскихъ офицеровъ, солдатъ, ямщиковъ и купцовъ, попавшихъ къ Мумыну въ лапы, удалось послѣ войны увидѣть снова свободу. Онъ былъ неумолимо золъ и не могъ досыта ушиться христіанской крови.

Такой-то человѣкъ шелъ теперь къ Данилову. Сзади Мумына шли его подчиненные, а его солдаты вели еще русскаго плѣннаго, раньше попавшаго къ коканцамъ. Мумынъ не казнилъ его только потому, что онъ хорошо говорилъ по-кокански и былъ переводчикомъ въ разговорахъ съ русскими.

Высокій сѣдой старикъ подошелъ прямо къ Данилову и остановился передъ нимъ шагахъ въ трехъ. Смѣрлялъ онъ русскаго унтера отъ головы до ногъ, долго молча смотрѣлъ ему въ глаза, и наконецъ позвалъ переводчика.

— Кто ты такой? русскій солдатъ? спросилъ Мумынъ Данилова черезъ переводчика.

— Да. Я русскій солдатъ, отвѣтилъ твердо и коротко Даниловъ.

— И вѣры русской?

— Да, и вѣры русской. Я христіанинъ, отвѣтилъ плѣнный.

— Ты у насъ въ плѣну теперь. Ты нашъ совсѣмъ.

— Я это знаю, просто сказалъ солдатъ.

— Ты въ нашей власти, продолжалъ важно Абдуль-Мумынъ: ты

шелъ противъ насъ и поэтому долженъ быть казнень, какъ злодѣй. Но мнѣ тебя жалко. Я самъ изъ Ташкента, и знаю, что васъ заставляютъ силою идти противъ насъ. Я буду просить у Пулатъ-Хана за тебя и, по моей просьбѣ, великій ханъ помилуетъ тебя. Я спасу твою жизнь.

Мумынъ остановился, какъ будто ждалъ, что скажетъ солдатъ. Но Даниловъ не сказалъ ни слова въ отвѣтъ. Мумынъ сдвинулъ брови, взглянулъ сурово на плѣннаго и вдругъ быстро спросилъ:

— Желаешь ли ты принять нашу магометанскую вѣру?

Народъ, толпившійся вокругъ, чтобы слышать весь разговоръ Мумына съ русскимъ плѣннымъ, крѣпче сдвинулся къ серединѣ и притихъ совсѣмъ, желая узнать отвѣтъ солдата.

— Нѣтъ, не желаю, ровнымъ и совершенно яснымъ голосомъ выговорилъ Даниловъ свой отвѣтъ.

Въ народѣ прокатился ропотъ. Мумынъ важно оглянулъ толпу, и все смолкло.

— Ты непременно долженъ принять нашу вѣру, иначе мой славный ханъ не проститъ тебя, и мнѣ нельзя будетъ просить передъ нимъ о тебѣ, сказалъ онъ и подождалъ отвѣта.

Даниловъ молча стоялъ передъ нимъ, какъ будто эта рѣчь не къ нему относилась.

— И такъ, говори скорѣе: согласенъ ли ты сдѣлаться правовѣрнымъ магометаниномъ, и я пойду просить у Пулатъ-Хана для тебя великой милости. Согласенъ?

— Я ужъ сказалъ, что не согласенъ.

— Почему-же? Этимъ ты спасешь себѣ жизнь. Ханъ проститъ тебѣ твои грѣхи. Подумай и скажи мнѣ.

Сѣдой старикъ смолкъ и, положивъ важно лѣвую руку на ручку пашки, стоялъ передъ связаннымъ солдатомъ.

— Ну, что же, согласенъ или не согласенъ? взглянулъ онъ изъ-подъ сѣдыхъ бровей ему въ лицо.

— Нѣтъ! отвѣтилъ только Даниловъ.

— Самъ знаешь, гдѣ лучше быть твоей головѣ, спокойно выговорилъ Абдуль-Мумынъ. Пойду за приказаніемъ владыки Пулатъ-Хана: что онъ прикажетъ съ тобой сдѣлать, прибавилъ онъ грозно, и не торопясь прошелъ между толпой и скрылся за воротами крѣпости.

12. На выборъ.

Народу развязалъ глотки уходъ Мумына. Вся площадь заругалась на связаннаго русскаго.

— Ахъ, онъ собака! Ахъ, поганая тварь! Какъ смѣетъ онъ такъ разговаривать съ самимъ Мумыномъ!

— Онъ думаетъ, что съ нимъ шутятъ! Вотъ погоди, невѣрная гадина! Пулатъ-Ханъ тебѣ покажетъ свою силу.

Народъ не переставалъ ругаться и шумѣть все время, пока Мумынъ былъ во дворцѣ у самозванца.

— Видишь, какой храбрый! Здѣсь храбрость-то собьютъ!

— Тише! тише! раздалось со всѣхъ сторонъ, когда завидѣли опять идущаго Мумына.— Абдуль-Мумынъ идетъ объявить волю великаго и славнаго Пулатъ-Хана!

Во второй разъ толпа увидѣла, какъ Абдуль-Мумынъ подошелъ къ плѣнному русскому и остановился передъ нимъ. Во второй разъ услышала она его рѣчь къ солдату.

— Я далъ тебѣ время обдумать то, что я говорилъ тебѣ въ первый разъ. Я упросилъ нашего могучаго и свѣтлѣйшаго хана не торопиться своимъ строгимъ приказомъ и повременить рѣшать твою участь. Я пришелъ сказать тебѣ еще разъ, чтобы ты не медлил и тотчасъ же перешелъ въ магометанство, чтобы служить у нашего всемогущаго и всеспльнаго владыки. Подумай, что ждетъ тебя? Взгляни на меня. Я самъ былъ русскій подданный и былъ тогда самый несчастный изъ людей: меня притѣсняли, грабили сборщики, я каждую минуту боялся за свою голову. Теперь я на службѣ у могучаго хана—и я счастливѣйшій изъ людей. Вспомни и ты, кто ты былъ у русскихъ? Простой солдатъ, котораго мучили, терзали и притѣсняли. Здѣсь тебя ожидаютъ всѣ милости хана—онъ не только проститъ тебя, но наградитъ, сдѣлаетъ тебя начальникомъ. Выбери же: или злая смерть, или счастливая жизнь. Отъ тебя зависить то или другое. Послушайся меня и сдѣлайся магометаниномъ.

— Все ты это напрасно мнѣ говоришь, отвѣтилъ спокойно Даниловъ: ничего мнѣ отъ насъ—зашихъ почестей и награды—не надо.

А былъ я русскимъ христіаниномъ—такимъ и буду. Родился въ русской вѣрѣ, въ русской и помру. Совсѣмъ тебѣ сомной и болтать зря вечего объ этомъ. Я самъ съ твое-то знаю. Вотъ тебѣ и весь мой разговоръ.

— Такъ это твое послѣднее слово, невѣрный? началъ сердиться Абдуль-Муминъ.—Смотри, все, что говоришь ты здѣсь, я передамъ моему хану, и горе тебѣ отъ его грознаго гнѣва! Одумайся!

— Поди ты къ чорту, съ тобой въ два дня не кончишь, сказали солдаты и отвернулись.

Муминъ повернулъ круто и быстрыми шагами скрылся за воротами.

Къ Данилову присталъ Курдайка и сталъ повторять то-же, что говорилъ Муминъ.

— Ты еще, лыса башка, чего лѣзешь? обернулся къ нему Даниловъ.

Понялъ-ли Курдайка, что отвѣтилъ ему Даниловъ, или нѣтъ,—но только онъ замолчалъ.

Да пожалуй, дольше говорить было бы даже невозможно, такъ какъ въ это время шумъ и крикъ на площади становились все больше и больше.

— И зачѣмъ Муминъ разговаривалъ еще съ этой собакой? Его давно надо было убить, какъ гадяну! слышался голоса.

— Тес, тес, черти, тише!! засуетились полицейскіе халатники около народа, ихъ длинныя палки заходили по головамъ кого попало.

— Назадъ! пошелъ назадъ! кричали во все горло верховые, и надъ толпой взвились и заработали нагайки.

Площадь стихла.

Изъ воротъ опять вышелъ Муминъ. Онъ нарочно шелъ теперь тихо, шагъ за шагомъ, чтобъ быть важнѣе и подольше поминать того, чья участь была въ его рукахъ. По обѣ его стороны шли подвое солдаты съ ружьями на плечахъ. Сзади шло еще пять человѣкъ.

Муминъ также тихо остановился передъ Даниловымъ. И вотъ опять на площади стояли другъ передъ другомъ два человѣка, на которыхъ смотрѣли всѣ глаза. Одинъ—сѣдой старикъ,

одѣтый въ золото и бархатъ, съ сложенными руками на саблѣ, надутый и свирѣпый. Другой—несчастный плѣнный, въ старой солдатской сѣрмягѣ, съ скрученными назадъ руками, спокойный и серьезный. Одинъ—кровожадный монголъ и магометанинъ другой—простой русскій человѣкъ и христіанинъ. Одинъ—все могъ сдѣлать въ эту минуту: ему стоило двинуть рукой—и всѣ войска, вся площадь бросятся, чтобъ разорвать на куски поганую невѣрную собаку другой—могъ только развѣ поглядѣть на небо, да сотворить послѣднюю молитву.—И эти двое стояли въ разстояніи двухъ шаговъ, какъ въ театрѣ, когда тысячи глазъ смотрѣли на нихъ обожь.

— Послѣдній разъ пришелъ я объявить тебѣ всемогущую волю моего грознаго владыки, великаго изъ величайшихъ хановъ, могущественнаго повелителя Коканскаго царства, премудраго и славнаго Пулатъ-Хана! началъ съ разстановкой Абдуль-Муминъ.—Ханъ мой не хочетъ проливать напрасно крови. Онъ хочетъ, чтобы ты покорился его велѣнью, чтобы сошелъ съ тропы заблужденія и обратился на путь истины.

Муминъ такъ цвѣтисто заговорилъ, что не только толпа, которая любила красноречіе, но онъ самъ заслушался своей рѣчи. Не слушалъ только его тотъ, кому онъ говорилъ.

Даниловъ стоялъ опустилъ голову въ землю и не смотря никуда. Усталость за эти два дня скачки верхомъ, съ завязанными руками, бессонная ночь и всѣ изгазанія, которыя онъ перенесъ, какъ гири повисли на его плечахъ. Среди этой площади, со множествомъ народа и съ переговорами Мумина, его вдругъ охватила какая-то глубокая черная тоска, ужаснѣйшая тягость нахлынула ему на душу. Ему надоѣла, измучила его вся эта канитель, и онъ стоялъ теперь безъ всякой мысли, безъ всякаго чувства, кромѣ тоски глубокой, страшной, гробовой тоски.

— Послѣдній разъ я жду отъ тебя отвѣта, разслушалъ онъ изъ того, что говорилъ Муминъ: послѣдній разъ я говорю тебѣ, что для тебя одно спасеніе—перейти въ магометанство и сдѣлаться вѣрнымъ слугою великаго пророка Магомета и славнаго его сподвижника Пулатъ-Хана!

Муминъ остановился и ждалъ отвѣта.

— Отвѣчай! сказалъ онъ черезъ полминуты.

— Отвѣчай, гауръ! ужъ крикнулъ онъ молчавшему солдату.

Данилова кто-то толкнулъ въ бокъ сзади.

— Что-жъ ты не говоришь! услышалъ онъ голосъ Курдайки: переходи скорѣй, дуракъ, въ магометанство.

Курдайка не договорилъ. Даниловъ вдругъ очнулся.

Какъ отблескъ дальней молніи блеснуло что-то у Оомы въ глазахъ. Онъ выпрямился, точно выросъ, встряхнулъ головой, какъ встряхивалъ, бывало, въ парняхъ кудрами, и сдѣлалъ широкій шагъ впередъ.

— Да, что вы, собаки, вздѣваться-то надо мной вздумали? вдругъ вскинулся онъ на Мумына, подавшись къ нему однимъ плечомъ, такъ что тотъ даже попятился назадъ передъ солдатомъ.— Чего еще вамъ, нехристи, отъ меня надо? Сказалъ ужъ вамъ который разъ, что отстань! Нечего вамъ съ меня взять—и шабашъ! не унималась русская душа.

Для грознаго Мумына такъ неожиданно были такія рѣчи, такъ смѣлы, до того разомъ налетѣлъ на него солдатъ, что онъ рѣшительно не зналъ, что ему сказать на это, и стоялъ передъ своимъ плѣннымъ, разинувъ ротъ и выпучивъ глаза.

И въ самомъ дѣлѣ, трудно было не растеряться, видя передъ собой тогда Данилова. Онъ былъ орломъ въ эту минуту. Глаза блестѣли; сквозь густой загаръ горѣлъ румянецъ на русскомъ удаломъ лицѣ. Онъ весь былъ смѣлость. Поставь передъ нимъ теперь сто пушекъ, пусти табунъ дивихъ коней, кати на него море злою бурю—онъ не побоялся бы, не дрогнулъ, не сдвинулся бы съ мѣста. Онъ все бы принялъ на свое могучее плечо, всему подставилъ бы все ту же грудь. Эхъ! зачѣмъ ему связали руки, зачѣмъ не дали воли въ эту минуту?—Онъ умеръ-бы—но какъ взмахнула бы послѣдній разъ его удалая рука и что бы онъ сдѣлалъ этимъ предсмертнымъ ударомъ...

— Смерти вамъ, что-ли, моей надо? продолжалъ Оома.—Убить меня охота? Такъ сколь угодно: убей! Твой я, весь тутъ — возьми, собака образина!

— Молчи, поганая тварь, молчи, гауръ! зашипѣлъ, наконецъ, очнувшись Абдуль-Мумынъ: велю сейчасъ убить тебя, невѣрная гадина!!

— А убей! Ты думаешь, что испугаешь, застрашашь? Вей! Сейчасъ вели стрѣлять своей сволочи, вели! — Русскій, братъ, даже несколько смерти не боится, вдругъ перешелъ онъ въ тихій, спокойный, почти кроткій тонъ,—какъ будто сожалѣя, что погорячился раньше—и даже по привычкѣ назвалъ Мумына «братъ».

Много свирѣпыхъ глазъ уставилось въ средину круга. Народъ зашевелился и сталъ давить къ срединѣ. Со всѣхъ сторонъ торчали въ чалмахъ головы на вытянутыхъ шеяхъ, одни съ стиснутыми зубами, другіе отрывши рты. Всѣ глаза сверкали злостью, всѣ руки сжались сами въ кулаки, все тянулось къ плѣнному солдату. Казалось еще минута—и толпа не выдержитъ, сорвется съ цѣпи, и ея не удержать тогда никакому войску. Еще минута, и она ужъ не позволить никому другому убить безъ нея «гаура»: она сама его задушитъ своими руками.

Какое-то глухое, страшное рычанье зловѣще прокатилось въ этой ужасной толпѣ.

Абдуль-Мумынъ, казалось, понялъ это отлично и вдругъ смолкъ, что-то соображая. Упершись всѣмъ тѣломъ на одну ногу и откинувшись назадъ, стоялъ онъ неподвижно передъ солдатомъ. Зловѣще сжались старческія губы, какъ-то бѣшено прищурились и искосались его узенькіе глазки. Правая рука судорожно вцѣпилась въ сѣдую бороду. Онъ былъ хищникъ, ястребъ, завидѣвшій добычу,—голодный шаваль, почувавшій свѣжую, дымящуюся кровь.

Но это длилось недолго. Какъ вычищенный ножъ въ лунную почку, блеснули злые бѣлки изъ-подъ слезистыхъ старческихъ рѣсницъ Мумына. Онъ взмахнулъ рукой своимъ солдатамъ.

— Взять и разстрѣлять эту паршивую собаку! крикнулъ онъ имъ.

Данилова стало не видно за кинувшимися къ нему коканцами.

— А-а! а-а! вдругъ загудѣла площадь, и толпа запаталась, задвигалась отъ радости, что наконецъ дождалась давно желаннаго ей слова.

13. Послѣдній часъ.

Задвигались, забѣгали, засуетились солдаты и джигиты по площади. Осаживали и отгоняли народъ, чтобы очистить мѣсто, везли

арбу на середину. Народъ толкался впередъ, лѣзъ на крыши, на возы, взбирался на мечеть, чтобы лучше видѣть, какъ станеть битися и просить прощенія плѣнная собака, и какъ, наконецъ, застрѣлятъ храбрые коканскіе солдаты поганого «гаура».

Прошло немного времени, и арба уже стояла готовая на чистомъ мѣстѣ площади. Готовы были и веревки, и ружья.

Народъ началъ стнхать.

Коканцы подошли къ Данилову и взялись за веревку, которою были связаны ему руки. Даниловъ вздрогнулъ, но не сказалъ ни слова.

Съ него стали снимать одежду. Чужія неволькія руки стали неприятно бѣгать пальцами по тѣлу, разстегивая пуговицы.

Сняли кепку, сняли пинель, сняли кожаные штаны, сняли солдатскую рубаху.

Взялись коканскія руки за солдатскіе сапоги. Даниловъ не держалъ.

— На что сапоги снимать хочешь? Оставь, сказалъ онъ и дернулъ ногой.— Оставь, говорю! крикнулъ онъ еще разъ на коканца, когда тотъ снова взялся-было за сапогъ.— Погоди малость, лыса башка: все твое будетъ, прибавилъ онъ спокойно. Убьете, тогда снимете.

Показалась-ли коканцамъ убѣдительно русская солдатская рѣчь, или они слишкомъ торопились поскорѣе покончить съ нимъ,— только спорить они не стали и отступились отъ Даниловыхъ сапогъ.

— Поведи! ведутъ, ведутъ! повели собаку, ведутъ гаура!! заревѣлъ народъ на площади, на крышахъ, на стѣнахъ, на возахъ, на мечети, и приготовился смотрѣть.

Полунагого Данилова солдаты подвели къ арбѣ, приставили къ колесу и нагнули на руки, выше локтей, петли.

— Гдѣ стая-то, тутъ? спросилъ Даниловъ и прислонился къ огромному колесу спиной.

Черезъ минуту онъ стоялъ у арбы одинъ, привязанный къ спицамъ колеса. За нимъ не было никого. Передъ нимъ, въ десяти шагахъ, стояли десять коканцевъ съ ружьями. А дальше, за ними, цѣлыя тучи чалмъ, ермологъ, шапокъ, халатовъ. Огромная толпа нестрѣла разноцвѣтными халатами, надъ которыми качались бѣлыя,

красныя и пестрыя чалмы. Какъ на праздникъ, на большое представленіе фокусника сбѣжались эти тысячи людей и давили другъ друга, чтобы лучше видѣть, поближе посмотрѣть, какія штуки будетъ выдѣлывать гауръ.

Обвелъ Ома глазами кольцо народа — всѣ эти чалмы, всѣ халаты, пѣшихъ и конныхъ, всю эту народную громаду. Ни одного-то русскаго лица, ни одной пары русскаихъ глазъ, ни одной родной души среди этихъ тысячъ. Одинъ онъ, совсѣмъ одинъ, какъ перстъ, съ російской душой противъ дѣлага чужаго и жаждущаго его смерти народа. Одинъ онъ, единственный его мѣдный крестъ виситъ на его голой русской груди передъ десяткомъ тысячъ мусульманъ, заклятыхъ врагомъ гаурскаго креста. Нѣтъ никого, кто хоть бы взглянулъ въ эту послѣднюю минуту добрымъ взглядомъ, хоть пожалѣлъ бы про себя несчастнаго и одинокаго солдата.

Одинъ онъ стоялъ передъ грознымъ Муминомъ. Одинъ сказалъ всему народу, что не продастъ своей души. Одинъ онъ и помереть.

— Господи! хоть Ты видишь меня теперь! сказалъ шопотомъ Ома, взглянувши на небо.

Онъ натянулъ веревки, которыми была привязана правая рука, и перекрестилъ себѣ неловко грудь.

Мелкій, сдержанный шумъ стоялъ кругомъ отъ тихо говорившаго народа. Но вотъ среди этого шума вдругъ услыхалъ Ома, какъ щелкаютъ курки у ружей.

Онъ взглянулъ на коканскихъ солдатъ.

Въ черныхъ бараньихъ шапкахъ, въ курточкахъ, широкихъ кожаныхъ штанахъ, обвѣшанные кругомъ оружіемъ стояли неровнымъ строемъ десять человекъ передъ его открытой грудью, приготовивъ ружья, изъ которыхъ ни одно не походило на другое.

Къ нимъ въ это время выѣхалъ верхомъ какой-то начальникъ съ саблей на-голо. Всѣ десять человекъ повернули къ нему свои загорѣлыя звѣрскія лица.

Начальникъ поднял саблю кверху.

Все замерло.

Всѣ тысячи народа смолкли, точно пропали вдругъ. Всѣ тысячи глазъ впились въ одну грудь съ мѣднымъ крестомъ и въ концы десяти ружей, направленныхъ противъ этой груди.

Жутко стало Оомѣ средѣ этой тишины. Онъ поблѣднѣлъ и крѣпче прижался къ колесу.

— Стрѣлай! крикнулъ въ эту минуту коканскій голосъ.

Десять стволовъ противъ груди и головы Оомы.

Настала гробовая тишина.

— Ишь, сволочи, какъ ружья-то шатаютъ: еще не попадутъ, какъ слѣдь, невольно мелькнуло въ головѣ Оомы, когда онъ увидаль, какъ заходили ружья въ неумѣлыхъ коканскихъ рукахъ.

— Помилуй Господи! прошептали сами губы, когда два дула навелись ему въ глаза.

Дымъ закрылъ другія, и онъ уже не видѣлъ ничего больше.

Не ровно, другъ за другомъ выпалили десять ружей, и отъ ихъ треску вздрогнулъ весь народъ и снова замеръ.

Стоявшій русскій около арбы вдругъ тяжело опустился къ низу и повисъ пеловко на веревкахъ. Грудь тяжело и рѣдко дышала. Руки подергивало, какъ будто тѣло хотѣло приподняться. Безсилно билась усатая голова, изрѣдка открывая страшные, уже омертвѣлые глаза.

Ему суждено было жить еще около часу.

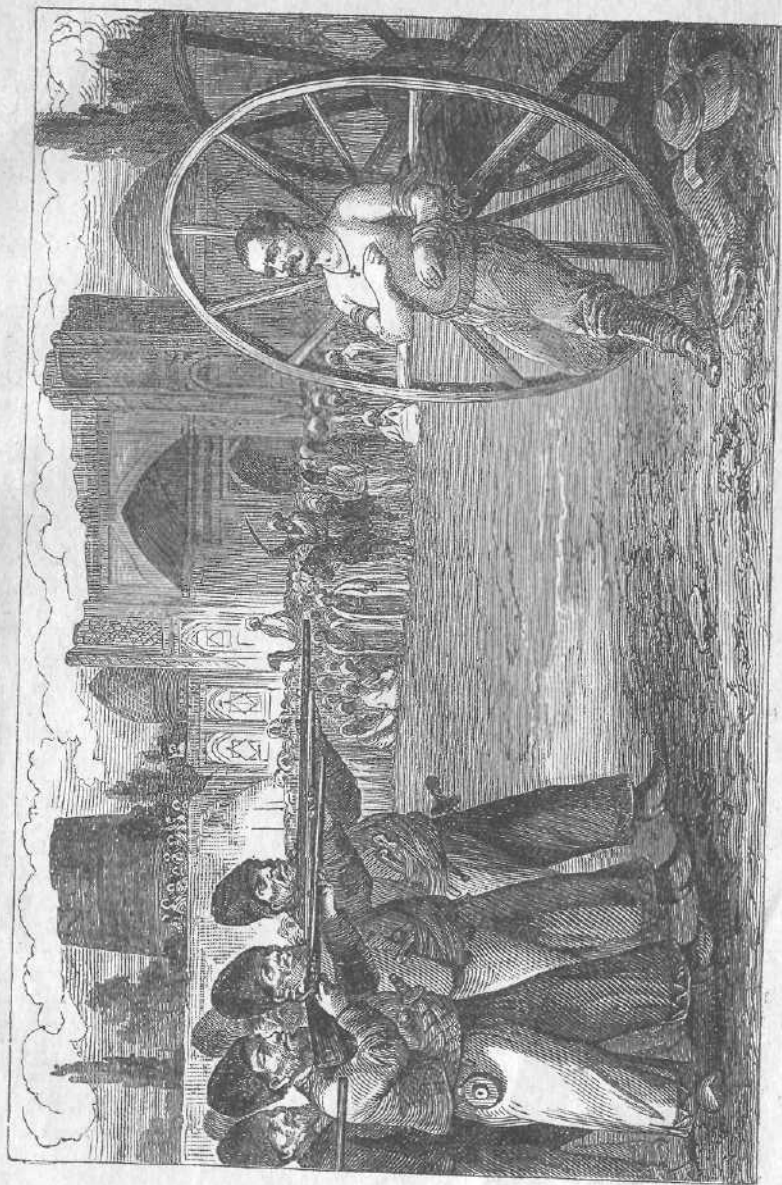
Какой-то шопоть пролетѣлъ по площади, и среди этого шопота не раздалось ни одного рѣзкаго крика. Народъ сталъ тихо расходиться.

— Батырь, батырь, урусъ; батырь *) солдатъ! слышалось почти вездѣ.

Такъ погибъ русскій человекъ Оома Даниловъ.

14. Конецъ войны съ Коканомъ.

Какъ разъ въ день Рождества Христова выступилъ русскій отрядъ съ генераломъ Скобелевымъ изъ Намангана, чтобы окончателно покончить съ коканскимъ бунтомъ. Войска шли къ Андиджану, гдѣ оячь Автобачи собиралъ вичаковъ. Разбивъ по дорогѣ нѣсколько шаевъ и разоривши ихъ деревни, русскіе 8-го января второй разъ пошли на штурмъ города Андиджана и взяли его. Но Автобачи не унывалъ и вскорѣ было получено извѣстіе, что у него

*) Богатырь, герой.